

*О.А. Коростелев,
А.А. Холиков*

ПУБЛИЦИСТИКА Д.В. ФИЛОСΟΦОВА РЕВОΛЮЦИОННЫХ ЛЕТ (1917–1918)

Думается, что роль Дмитрия Владимировича Философова (1872–1940) в литературно-общественной жизни России двух предреволюционных десятилетий остается до сих пор недостаточно оцененной. Складывается несправедливое ощущение, будто он находился в тени у четы Мережковских. Между тем не может быть сомнений в том, что Философов «был одним из выдающихся деятелей русской литературы и культуры в период, ограниченный 1899 и 1919 годами»¹. Достаточно вспомнить, что именно он определял литературную политику журнала «Мир искусства», редактировал «Новый путь», был одним из организаторов петербургских Религиозно-философских собраний (1901–1903), а с 1909 года стал председателем Религиозно-философского общества в Санкт-Петербурге (Петрограде) (1907–1917).

До эмиграции Философов опубликовал более тысячи статей и заметок на разные темы. Из них по литературным вопросам – около двухсот². Незначительная часть вошла в три прижизненных сборника: «Слова и жизнь: Литературные споры новейшего времени (1901–1908 гг.)» (СПб., 1909), «Старое и новое: Сборник статей по вопросам искусства и литературы» (М., 1912), «Неугасимая лампада: Статьи по церковным и религиозным вопросам» (М., 1912).

Полная библиография критико-публицистического наследия Философова еще не составлена. Наш особый интерес к статьям 1917–1918 годов вызван не только широко отмечаемым 100-летним юбилеем революционных событий, но и тем, что, во-первых, важнейшие из более ранних работ Философова уже переизданы³, а во-вторых, следующий, эмигрантский период его творчества – совсем иной двадцатилетний этап журналистской и общественно-политической деятельности, связанный с редактированием ряда варшавских газет, организацией Общества русско-польского

© 2018 Алексей Александрович Холиков. Москва; Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова.

© 2018 Олег Анатольевич Коростелев. Москва; Институт мировой литературы Российской Академии наук.

Исследование выполнено в Институте мировой литературы им. А.М. Горького РАН за счет гранта Российского научного фонда (проект № 17–18–01432).

сближения, формированием русских отрядов при польских войсках, попытками воздействия на Пилсудского, руководством местного отделения савинковского «Народного Союза Защиты Родины и Свободы». По признанию родной сестры Философова, З.Н. Ратьковой-Рожновой, «Дима – редкое явление, пример преобразования одного человека в другого – до революции и после. До революции Дима – эстет в том понимании, которое было принято в девятнадцатом веке. Все то, что было красотой, касалось ли это морального или материального, было для него божеством. Мама говорила, что Дима мог защищать картину с оружием в руке. Идеалист был, идеалистом и остался, но после революции в Варшаве родился другой Дима. На некоторое время искусство перестало существовать для него, борьба с людским злом интересовала его полностью...»⁴.

Несмотря на отсутствие всех необходимых комплектов периодики революционных лет, нам удалось выявить более ста статей и заметок Философова 1917 – 1918 годов. И хотя на исчерпывающую полноту этот список не претендует, тем не менее основные публикации в нем по возможности учтены. Большинство из них вышло в кадетской «Речи», наиболее культурной газете того времени, с которой Философов постоянно сотрудничал с 1908 года и до самого ее закрытия большевиками и даже позже, когда она выходила в октябре 1917 – августе 1918 под другими названиями («Наша речь», «Свободная речь», «Век», «Новая речь», «Наш век»)». З.Н. Гиппиус вспоминала:

Д[митрий] Ф[илософов] тоже много писал – главным образом в «Речи», органе умеренных ка-дэ (конституционалистов-демократов), к которым он ближе стоял, чем Д[митрий] С[ергеевич]⁶.

В одной из статей Философов признался:

Я лично (если это кому-нибудь интересно знать) никогда не принадлежал к кадетской партии. Я просто рядовой сотрудник «Речи», во многом ей симпатизирующий, особенно в ее честном отношении к обороне, в ее борьбе с демагогией, с погромной агитацией. Никогда кадеты не стояли на задних лапках перед физической силой, никогда не потакали стихии. И это мне дорого⁷.

В содержательном отношении собранные публикации весьма «разношерстны», что вообще было характерно для Философова, за исключением третьего прижизненного сборника его статей по церковным и религиозным вопросам. Принципиальной разницы между многообразными видами своих писаний он не делал. Материалом для статьи или заметки могло послужить что угодно: книга об ок-

культизме, перепись увечных воинов, выставка работ М.С. Напельбаума, съезд преподавателей словесности или же свечной съезд, положение беспризорных детей, заседание Временного совета Российской республики и т. п. В сущности, Философов был по преимуществу даже не журналистом, а именно газетчиком, откликавшимся на все и вся и часто не делая скидку на масштаб описываемых явлений. При этом значительное место в его текстах занимает выяснение отношений с изданиями идейных оппонентов – «Правдой», «Новой жизнью», «Делом народа». И если в бытность «Мира искусства» «представить себе Философова в каком-либо соприкосновении с политикой и, следовательно, с “толпой” и чуть ли не “чернью” было решительно невозможно»⁸, то с начала 1917 года его уклон в политическую публицистику стал особенно ощутим.

Прежде чем обратиться к публичным высказываниям Философова по актуальным политическим вопросам, приведем запись Гиппиус из ее «Черной книжки» (1919):

Мы, т. е. я, Мережковский и Философов, а также некоторые друзья наши, склонялись как писатели к идейным сторонам общественного вопроса. Не входя ни в одну из политических партий, мы, однако, имели касание почти ко всем. В той, которой мы наиболее сочувствовали, у нас было много давних друзей, задолго до войны мы сблизились с некоторыми эмигрантами (между прочим, с Савинковым), с которым мы поддерживали постоянные сношения. Это была партия социалистов-революционеров. Несмотря на плохо разработанную идеологию, эта казалась нам наиболее органической, наиболее отвечающей русским условиям. За соц.-революционерами, как народниками, стояло уже свое историческое прошлое. Что касается партии социал-демократической, – партии, сравнительно новой в России, лишь после 1905 года оформившейся у нас по западным образцам и уже расколотой на большевиков и меньшевиков, то самая основа ее – экономический материализм, – была нам, и некоторой части русской интеллигенции, особенно чужда (как и самому русскому народу – казалось нам). Все десять лет мы вели с ней последовательную, очень внутреннюю, идейную борьбу⁹.

Как известно, события Февральской революции разворачивались непосредственно на глазах у Философова, который за пять лет до этого, в 1912 г. вместе с Мережковскими переехал из знаменитого дома Мурузи на Сергиевскую улицу, 83 (кв. 17). По воспоминаниям

Гиппиус, «взяли квартиру первую попавшуюся: очень большую на Сергиевской, у самой решетки Таврического сада. С моего балкона виден был и соседний Таврический дворец, – где помещалась Государственная Дума...»¹⁰. Неудивительно, что все главные исторические события революционных лет члены «триумвирата» наблюдали из домашнего окна. Подробно эти дни и месяцы описаны в дневниках Гиппиус¹¹.

Крайне негативное отношение к самодержавию¹² поставило Философова в один ряд с теми, кто не просто приветствовал Февральскую революцию, но воспринял случившееся в религиозном ключе. В статье с символическим названием «Воскресшая Россия» он прямо утверждал:

То, что мы пережили с 27 февраля по 2 марта, настолько чудесно, а то, что делалось с 1825 года по 1917 год, настолько ужасно, что нормальные, «обыденные», похороны не могли удовлетворить народного чувства. Ведь сегодня не только похороны жертв, сегодня великий праздник победы. Сегодня праздник Воскресения русского народа¹³.

В день этой публикации, 23 марта (5 апреля) 1917 года, на Марсовом поле в Петрограде состоялись похороны жертв Февральской революции. В братскую могилу было опущено 180 гробов, обтянутых красной материей¹⁴. За несколько дней до этого Философов, будучи захваченным тревожной атмосферой событий, изумлялся «культурности народного восстания» и утверждал, что «если бы мы имели возможность тихо и спокойно засесть в Публичной библиотеке за изучение “Великой французской революции”, мы сразу оценили бы относительную бескровность и неразрушительность совершившегося переворота»¹⁵.

Не относясь к числу безоговорочных сторонников А.Ф. Керенского и не соглашаясь с ним по ряду вопросов, Философов, однако же, признал его «живым воплощением революционного и государственного пафоса»¹⁶ и в отклике на выпущенную Центральным комитетом трудовой группы краткую биографию Керенского по материалам департамента полиции назвал его фактическим «президентом российской республики» и «женихом» русской революции¹⁷. Апостольский призыв «Духа не угашайте», взятый в качестве заголовка одной из статей, наполнился для Философова актуальным общественно-политическим содержанием: «Наши министры буквально не спят и не едят по недостатку времени. Своим примером они как бы призывают нас к такой же сверхчеловеческой энергии»¹⁸. Действенная помощь по отношению к новой власти заключалась в

том, что Философов вместе с Мережковскими 29 марта (11 апреля) 1917 года принял участие в совещании писателей, актеров и драматургов в Зимнем дворце, на котором решался вопрос об «автономии» театров, а в мае вошел в Совет по делам искусств, который был образован при комиссаре Временного правительства над бывшим министерством двора¹⁹. Активно поддерживая на первых порах правительство, осознавая, что «оно обязано содействовать успокоению страны, созданию условий для повседневной тяжелой работы»²⁰, Философов одновременно с этим выступал против смирения массового энтузиазма:

Чем действеннее наше народное правительство будет отвечать на упования великого народа, совершившего революцию, чем оно будет революционнее, тем и авторитетнее, тем легче победит обе опасности: демагогию “Правды” и контрреволюцию²¹.

Переживая, по собственным словам, «великие дни радости и веры»²², Философов воспринимал происходящее в гораздо более радужных тонах, нежели Д.С. Мережковский²³. Так, 1 (14) апреля 1917-го каждый из них опубликовал по пасхальной статье. Но если Философов в очередной раз констатировал, что «чудо» уже совершилось и «Россия воскресла»²⁴, то Мережковский был более сдержан в своих утверждениях:

Но пока дух без плоти и плоть без духа, еще не совершилось Воскресение. Нет, не так-то легко соединить воскресение России с Воскресением Христовым, красное яичко – с красным знаменем²⁵.

Между тем «золотые сны» Философова развеивались стремительно. 8 (21) апреля, через неделю после Пасхи и почти сразу после возвращения В.И. Ленина в Петроград, ознаменовавшегося историческим выступлением на площади перед Финляндским вокзалом, Философов, который «так разболелся, что его необходимо было увезти»²⁶, отправился вместе с Мережковскими в Кисловодск. «Да, не дай Бог, – сокрушался он со знанием дела, – по нынешним временам быть больным!»²⁷ В то самое время кавказские минеральные воды оказались отрезаны от России из-за нераспорядительности почтового ведомства. «Все рестораны и гостиницы, – писал Философов в записке по этому поводу, – увеличили цены на 25%. Для того, чтобы не быть голословным, скажу, что сегодня, в казенной кофейне я уплатил 3 р. 10 коп. за два стакана кофе и два яйца всмятку»²⁸. «Жить на Кавказе, – по признанию Гиппиус, – было довольно тяжело. Издали все казалось мутнее и страшнее»²⁹. И все же именно в Кисловодске Мережковским и Философову удалось организовать

газету «Грядущее»³⁰, которая вышла в двух номерах: за август и сентябрь.

В условиях надвигающейся катастрофы (июльский кризис, массовое дезертирство на фронте) тональность статей Философова становится более трезвой, чем это было в первые послереволюционные дни. Все настойчивее звучат его предупреждения о том, что «стихийная темнота народных масс так же опасна, как и классовый эгоизм»³¹, в то время как «“новые люди”, добравшись до власти, бессознательно одеваются в старые одежды, поддаются под ярмо старых навыков»³². Философов присоединяется к «открытому письму» муромцев, которые безрезультатно съездили в столицу хлопотать о поддержке своего продовольственного плана. Кончается оно следующими скорбными словами:

Нравственную ответственность за будущее мы слагаем на тех, кто слеп или не хочет видеть действительности. Мы говорим: нравственную ответственность, ибо понимаем, что голодный народ прежде всего сметет тех, кто к нему ближе, а вы, – вы в то время будете в своем кабинете рассматривать вопрос о том, почему нам не удалось выполнить наши прекрасные планы³³.

В своих воспоминаниях Гиппиус уверяет, что из всего их окружения Мережковский «оказался самым прозорливым. Еще в марте, когда у многих не погасла первая радость, он объявил: “Нашу судьбу будет решать Ленин”»³⁴. Но, судя по ее же дневниковой записи от 6 (19) марта, эти слова произнес Философов³⁵. И действительно, днем раньше он записал их в собственном дневнике³⁶. Не пройдет и полгода, когда в августе Гиппиус услышит от Философова слова, подтверждающие его же предсказание: «Весь город ждет выступления большевиков. Ощущение, что никакой власти нет»³⁷.

Об этом читаем едва ли не в каждой сентябрьской публикации Философова. «Начиная с 21 апреля, – пишет он, – наша власть колеблется, как маятник, ограничиваясь бесконечной словесностью»³⁸. И здесь же:

Отсутствие твердой власти – таково основное страдание России. Жажда хоть какого-нибудь порядка, как неперемного условия бытия России, распространяется все шире и шире. А так как центральная власть до сих пор не удовлетворяет этой законной потребности граждан, то появляются отдельные попытки утвердить порядок, так сказать «самочинно», помимо и вопреки бездеятельной и беспринципной власти официальной³⁹.

Единственной реальной, наименее утопичной силой, способной противостоять «непротивленышам» (именно так Философов назвал одну из своих статей о «народных вождях» после их пребывания у власти), оказались большевики. «По крайней мере, – как сказано уже в другой его публикации от 15 (28) сентября, – ясно видно, чего Ленин хочет и куда идет. Идет напролом»⁴⁰. Спустя еще несколько дней Философов подводит неутешительный для Временного правительства итог: «... в революции побеждает не истерика, а здравый ум и твердая память»⁴¹.

Следует отдать должное дальновидности Философова, который еще в марте 1917-го писал о необходимости бороться с демагогией и «во имя будущей близкой свободы» открыто призывал правительство «к решительным действиям, даже к насилию»⁴². Теперь же, 6 (19) октября, его предостережения звучали все более безнадежно:

Насильничает и «принуждает» у нас всякий, кто хочет, кому не лень. «Не противится» только государственная власть. Она воистину перешла в толстовство и беспристрастно взирает на все увеличивающуюся анархию⁴³.

Что же касается персональной ответственности, то, как полагает Философов, «львиная доля вины за неавторитетность сегодняшнего правительства, за “зигзаги” его политики, за российскую анархию падает на эсеров»⁴⁴. Но и Керенский, по его мнению, слишком долго не проявлял решительности. Почти накануне Октябрьского переворота в отчете о заседании Временного совета Российской республики Философов с очевидным сожалением отмечает:

Я внимательно слежу за публичными выступлениями Керенского, с тех пор, как он стоит во главе Правительства, и [,] если не ошибаюсь, он впервые высказался столь резко и определенно о «большевиках», назвав их тактику – тактикой «шантажа и погромов»⁴⁵.

Но ничем помешать им уже не мог.

Наряду с революцией еще одним важнейшим событием в политической повестке у Философова была продолжавшаяся война. Ее трагические последствия постоянно оказывались в центре внимания публициста: будь то бедственное положение увечных воинов, которые должны получать помощь «не потому, что нам “жалко” инвалидов, а потому что они имеют на это законное право, и государство обязано им помочь»⁴⁶, или же детская преступность, которая за годы войны только в Петрограде выросла больше, чем вдвое. Философов с тревогой замечает «народнение нового класса: детского пролетариата»⁴⁷ – и заявляет о том, что «городская дума делает все от нее

зависящее, чтобы насаждать в столице хулиганство, оставлять без призора столь увеличившееся число “самостоятельных” подростков. Пассивность и неряшливость города в этом смысле воистину ужасны»⁴⁸. И хотя Философов, в отличие от Мережковских, занимал оборонческую позицию («Мы открыто и последовательно, – писал он, – боремся за оборону, за поднятие боеспособности армии»⁴⁹), однако «воскрешение» страны напрямую увязывал с завершением боевых действий: «Революция началась войной, победила во время войны, и восторжествует окончательно при условии достойного, почетного окончания войны»⁵⁰.

В первые дни после Февральской революции Философов убеждал себя и своих читателей в том, что если прежде, в условиях ненавистного им самодержавия, «защищать приходилось как бы не реальную Россию, а Россию желанную, любимую лишь в мечтах»⁵¹, то «теперь нет разделения между народной армией и правительством, между фронтом и тылом»⁵², а следовательно, лозунг «Все для войны!» приобретает особую актуальность: «Все для войны – значит все для процветания новой демократии, все для закрепления новых позиций, как внешних, так и внутренних»⁵³. Однако и в этом вопросе бездеятельность «народной власти» становилась для Философова все более очевидной. Еще в июле 1917-го он возлагал надежды на Керенского, который, «сам человек непоколебимой чести и беззаветного мужества», по словам Философова, «теперь ближе вошел в жизнь фронта и, нет сомнения, по достоинству оценил и понял русского, среднего, офицера. Правительственные комиссары при армии подобраны очень удачно. Это все мужественные, испытанные революционеры, которые, так же как и Керенский, дадут русскому офицерству нравственную опору»⁵⁴. Но, наблюдая за происходящим, получая многочисленные письма с фронта, пришедшие в ответ на только что процитированную нами статью «Русский офицер», Философов менее чем через месяц признал, что для восстановления боеспособности армии одних речей недостаточно: «А.Ф. Керенский обещал нам ввести в армию железную дисциплину. Но до сих пор это обещание не выполнено»⁵⁵.

Авторитет русских офицеров так и не был поднят. В сентябре Философов начал собирать газетный материал, касающийся безнаказанных преступлений, совершаемых над ними. «Но, кажется, – пишет он, – эту затею придется бросить. Слишком много материала»⁵⁶. Забыв о фронте, оставив армию без моральной поддержки, власти, по убеждению Философова, не только поставили под угрозу жизни людей («Здесь, в наших говорильнях спорят, колеблются, ежедневно делают новые эксперименты, а там, на фронте распла-

чиваются за петербургские громкие слова своими боками»⁵⁷), но и тем самым «помогли большевикам»⁵⁸. За пять дней до Октябрьского переворота, в статье от 20 октября (2 ноября) 1917 г. Философов пророчески заявляет: «Мы накануне выступления большевиков»⁵⁹. А за день до самого выступления, 24 октября (6 ноября), делясь с читателями впечатлениями об очередном заседании Временного совета Российской республики, он даже приводит предполагаемые даты: «... в кулуарах хладнокровно осведомляются о сроке “свержения правительства” большевиками. Одни утверждают, что это будет в ночь на вторник, другие [–] на пятницу»⁶⁰.

25 октября (7 ноября) 1917 года произошло, как известно, на четверг. Случившееся было воспринято Философовым как контрреволюция, пришествие темных сил, преступление политических проходимцев. Иванов-Разумник, занимавший «амплуа эсеровского “первого любовника”»⁶¹, дал наиболее точную оценку тому состоянию, которое Философов пережил вместе с Мережковскими: «Крушение всех былых надежд...»⁶².

Последствия Октября не заставили себя долго ждать. «Русская революция, – утверждал Философов уже в декабре 1917-го, – перестала быть всенародной. С нашей точки зрения[,] она гибнет»⁶³. Многочисленные проявления этого процесса становились предметом его выступлений в печати, пока возможность высказываться публично еще оставалась. «Мы теперь именно сели в калошу... счастья, – пишет Философов, отсылая к известной сказке Андерсена, – имеем возможность жить в России, эдак XVI-го или начала XVII-го столетия. Все условия мало-мальски сносного общежития нарушены. Суда нет, личной безопасности нет, путей сообщения нет»⁶⁴. Положение русского офицерства усугубилось еще больше: «В награду за свои подвиги они получили зверские самосуды, всяческие измывательства и наконец – нищету»⁶⁵. Опора на деклассированные массы привела к тому, что «квалифицированные рабочие, кровно связанные с промышленностью, начинают ужасаться тому развалу, который уготовили большевики русской фабрике. Именно они восстают против дилетантского “контроля рабочих”, который сводится к уничтожению самого производства»⁶⁶. После организации ВЧК при Совете народных комиссаров Философов небезосновательно предположил, «что новая комиссия грозит неисчислимыми бедствиями всем и каждому»⁶⁷: «Говоря языком менее официальным, комиссия призывает всех и каждого посылать доносы...»⁶⁸. В участившихся еврейских погромах Философов увидел «самое законное следствие всевозможных “усмирений” и “карательных экспедиций”»⁶⁹. В ответ на прозвучавшие обвинения «Известий» и «Красной газеты»

в том, что за погромами стоит буржуазия, Философов возмущенно заявляет: в сложившейся атмосфере «междоусобной брани», гражданской войны «к числу “буржуев” причисляются просто люди грамотные»⁷⁰, а в статье с ярким названием «Импотентная буржуазия» прямо призывает, «наконец, признать, что буржуазии, в настоящем смысле этого слова, у нас и не было!..»⁷¹

Примечательно, что почти дословно эта мысль Философова будет повторена Мережковским на страницах той же газеты, «Наш век», но только двумя месяцами позже, в июне 1918-го: «В России никогда никакой буржуазии не было, ни святой, ни грешной»⁷². Сходятся авторы и в своих прогнозах. Так, Философов пишет о том, что «станет Россия страной мелкой буржуазной собственности, страной, воистину демократической. И воцарится в ней порядок. И перестанут наши умники говорить об “импотентной буржуазии”. Заманчивого в этом “идеале” ничего нет»⁷³. Мережковский, в свою очередь, тоже говорит о том, что «русский коммунизм убивает нерожденное, но не убьет: русский буржуй все-таки родится. И, может быть, единственное не мертворожденное дитя нашей “социалистической” революции будет именно он, так называемый мелкий, грешный или святой, буржуй»⁷⁴. Еще одна точка сближения в публицистике двух единомышленников – отождествление большевистского и царского режимов. Мережковский одним из первых в статье «Упырь» от 28 ноября (11 декабря) 1917 г. провел параллели между самодержавием Романовых и политикой лидера большевиков не только в их отношении к свободе слова, но и по целому ряду других пунктов: «оба самодержавия обманывают народ чудесами, “царством Божьим на земле” – теократическим или социалистическим»; «оба самодержавия хотят, поработив, осчастливить»; «оба самодержавия взывают к “воле народа”; но народ для них – слепая стихия – не народ, а чернь, “черная сотня”»⁷⁵. Спустя несколько дней, 3 (16) декабря, уже Философов чуть ли не дословно повторяет: «Самодержавие налицо»⁷⁶. «Сегодняшняя диктатура, – пишет он в годовщину восстания декабристов, – находится в преемственной связи с победой Николая I»⁷⁷. О том же – в статье, опубликованной через семь месяцев, 21 (8) июля 1918 года: «Прежде твердили: самодержавие, православие, народность. Теперь твердят: интернационализм, демократизм, социализм»⁷⁸. Даже в неудачном покушении на Ленина I (14) января того же года Философов усматривает сходство большевиков, которые, по его словам, пытаются «чем-нибудь прикрыть свое внутреннее и внешнее бессилье», с самодержавной властью: «Этот прием давно извештен. Им традиционно пользовался царский режим. Если нет “ритуально-убийства”, его необходимо создать»⁷⁹.

Менее чем за месяц до Октябрьской революции Философов опубликовал «Предостережение», в котором высказывал опасения относительно того, что в результате грядущей смены власти, после того как «народ сметет весь этот мусор изолгавшихся демагогов», «вместе с этой шелухой может погибнуть, разорваться ткань государственности, последний покров культуры»⁸⁰.

Здесь нужно оговориться, что в 1917 – 1918 годах Философов-публицист значительно реже высказывался по вопросам культуры, нежели в былые годы. Между тем он вышел из того самого класса, к которому, как писал А.Н. Бенуа, «принадлежали все главнейшие деятели русской культуры XVIII и XIX столетий, создавшие прелесть характерного русского быта»⁸¹. Вспоминая о годах своей молодости, Философов писал:

Для нас (имеются также в виду А.Н. Бенуа, В.Ф. Нувель и К.А. Сомов. – А.Х., О.К.) созидательное восприятие и понимание прекрасного были высочайшими целями жизни, которые были так далеки от реальных банальностей каждодневной жизни. Мы пришли к заключению, что мы должны избегать всего того, что замедляет наступление этого конца⁸².

Однако к началу 1917-го «конец», судя по всему, уже наступил, и Философов совершенно спокойно заявляет: «Человек – выше книги, жизнь – значительнее литературы»⁸³ – а после Февральской революции высказывается еще более резко: «...не будем бояться за “культурные ценности”. Много настоящих “буржуев” прикрывают страх за свои животишки страхом за “культурные ценности”»⁸⁴. Между тем политика, проводимая большевиками, заставила Философова заговорить о «культурных ценностях» в ином ключе и уделять им больше внимания в публицистических выступлениях. «Теперь, – пишет он в марте 1918-го, – при наступившем разрушении всей культурной жизни, и в первую голову разрушении книг и журналов, наша “богема” очутилась в очень трагическом положении»⁸⁵. Надежду на то, что она окончательно не сдалась, Философов усматривает в изданной артелью «Сегодня» серии книг А.М. Ремизова, С.А. Есенина, И.С. Соколова-Микитова, Натана Венгрова и др. В новых условиях, когда книжное дело было разрушено («Художники сами вырезают свои рисунки, т. е. сами делают клише, от руки раскрашивают их. Писатели же сами превращаются в самодельных издателей, в чуть ли не топографов. Ищут типографию, бумагу, разносят книжечки по магазинам...»⁸⁶), книга оказалась для Философова все-таки не ниже человека, а литература – не менее значительна, чем жизнь:

Когда я вижу эти пестренки обложки, раскрашенные с любовью от руки, во мне просыпается не только жадность непоправимо-го библиофила, который отлично понимает, что через короткое время эти книжечки превратятся в «редкость», но и чувство радости: нежное еще нежнее на улицах, где пахнет бойней...⁸⁷.

В статьях Философова, посвященных культурной политике, одним из центральных всегда оставался вопрос о памятниках искусства. И надо заметить, что в опасности, по мнению публициста, они находились еще до прихода к власти большевиков. К месту вспомнить о том возмущении, которое у Философова в феврале 1917-го вызвала идея священника Антонова, ключаря храма Воскресения Христова, выстроить в связи с годовщиной отмены крепостного права новый музей в Михайловском саду, украсить аллеи «названиями главных художественных деятелей царствования Александра II», а на Михайловской площади воздвигнуть памятник Александру II и «галерею», где было бы обеспечено место композиторам, особенно духовным⁸⁸.

Везде, – сказано по этому поводу, – люди власть имущие ответили бы фантазеру, что в современном городе уничтожать вековые деревья, уничтожать старые парки – настоящее преступление, что уродовать город во имя «крестьянина», прежде всего... непоследовательно. Но у нас все возможно. У нас знахарь заткнет за пояс всякого доктора, а дилетант всякого специалиста⁸⁹.

Когда с падением самодержавия встал вопрос о царском имуществе, Философов справедливо напоминал своим читателям:

При бывшем директоре Эрмитажа, кн. Трубецком, были в ходе эрмитажные спектакли. Ужины происходили в самом Эрмитаже, причем Рембрандтовская галерея была приспособлена в качестве дамской уборной (sic!). Во время одного из ужинов был случайно разрезан пополам портрет работы Ван-Дика. За достоверность этих фактов я ручаюсь⁹⁰.

А потому за призывом публициста приступить к «ликвидации» этого имущества стояло стремление вовсе не уничтожить его, а реформировать «в самом демократическом духе» и превратить «в расадник живой, всенародной культуры»⁹¹.

Не сегодня – завтра, вопросы внешкольного образования, «народных домов», университетов и т. п. станут во всей остроте. Неужели же певческая капелла, придворный оркестр, казенные театры и т. п. останутся петербургскими «музейными» учреждениями, а

не превратятся в культурные рассадники «инструкторов», которые должны быть, обязаны быть к услугам народа? Или возьмем царские покои. Неужели же они останутся запертыми музеями? Припомните Францию. Версаль, Сен-Жермен, Шантили, это все любимые народные парки, где сберегается народное здоровье. Пойдите в Сен-Клу в воскресный день. Парк переполнен рабочим людом. Целыми семьями идет туда народ на весь день. А у нас, рабочий люд должен в праздники толкаться по Лиговке! У нас Ялта задыхается в пыли и грязи, не имея возможности пользоваться Ливадией, Массандрой и Ореандой. Ни для кого не секрет, что и железной дороги нет по южному берегу из-за царских владений⁹².

Ровно через год, в марте 1918-го, наблюдая за «разрушением человеческих жизней, культурных памятников, материального добра, разрушением самой России»⁹³, горестно констатируя, что «Спасское-Лутовино уже разрушено» и «теперь дошла очередь до Михайловского»⁹⁴, Философов невольно задает себе вопрос: «...да один ли “народушко” виноват в этом акте варварства?»⁹⁵ К числу его идейных вдохновителей он причисляет В.В. Розанова и А.М. Горького, Л.Н. Толстого и Д.И. Писарева, всех тех, кто своими учениями разрушал «старый мир» и обеспечил «нынешнее торжество невежества» и «привилегированное положение безграмотных»⁹⁶. «В этом пункте, – заключает Философов в статье с красноречивым названием “Скифы”, – нельзя говорить о расколе между интеллигенцией и народом. Интеллигенция “плевала” в духовные богатства России, “народ” плюнул в богатства материальные»⁹⁷. И символическим свидетельством пятого акта трагедии, который еще не наступил («Мы переживаем четвертый»⁹⁸ – так сказано в одной из статей Философова), выглядит то, как на фоне развернувшегося крушения культурных ценностей «скульпторы обдумывают проект памятника Карлу Марксу»⁹⁹.

Уничтожение коснулось не только исторических памятников «старого мира». После ареста графини С.В. Паниной, основавшей знаменитый Народный дом в Петербурге, 1 (14) декабря 1917 года Философов опубликовал статью «Враг народа», в которой затронул еще одну значимую для его публицистики проблему образования:

Бедны мы очень просвещением, но все-таки есть что разрушить. Хотя бы изничтожить учительский персонал. И уже идут аресты учителей, учительниц, обвиняемых в оскорблении Величества, в непочтительных выражениях о «священной особе» сегодняшнего самодержца¹⁰⁰.

В этой же публикации Философов высказался относительно «культурно-просветительных» декретов «скорбноглавого Луначарского», который, по его словам, «ничего еще не сделал для русского просвещения, да ничего и не сделает»¹⁰¹.

Интерес к учителям и вопросам школьного образования у Философова не был спровоцирован разрушительной политикой большевиков, а имел более глубокие корни. Еще до Февральской революции, в начале 1917-го, он опубликовал ряд статей о преподавании литературы. Надо заметить, что общая картина, обрисованная Философовым, узнаваема и сегодня:

Гимназия, средняя школа вообще одно из самых непопулярных учреждений в России. Школьники, как и полагается, ее ненавидят, родительские комитеты пребывают в состоянии непрерывного «протеста». А профессора высших учебных заведений приходят в отчаяние от некультурности и безграмотности юношей, снабженных аттестатом зрелости¹⁰².

По следам закрывшегося 4 (17) января съезда преподавателей словесности в Москве, в котором приняли участие не только учителя, но также профессора и даже академики (среди них – П.Н. Сакулин, Н.А. Котляревский), Философов отметил, что главная ошибка комиссии, составившей проект новой программы по истории русской литературы в средней школе, состоит «в чрезмерной научности»¹⁰³. Между тем, полагает он, сам «предмет науки остается неопределенным, и в конце концов неизвестно, по каким признакам памятник “письменности вообще” относится к числу памятников литературных, почему письма князя Курбского – литература, а “обозрение законов” Сперанского не литература?»¹⁰⁴ Во многом поэтому, читаем мы, «история русской литературы по-прежнему сводится к истории культуры, ее самодовление и автономность как бы не признаны»¹⁰⁵. Философов замечает, что «со времени кончины Веселовского вопросы методологии усиленно разрабатываются», но при этом добавляет, что «сказать, чтобы ученые пришли к определенным выводам – все еще нельзя»¹⁰⁶. Упрекая ученых в том, что они «неволью забывают педагогическую точку зрения» и «из средней школы хотят сделать “маленький университет”»¹⁰⁷, Философов формулирует собственный взгляд на задачи средней школы, которая, по его мнению, «не может и не должна давать знаний»:

Воспитать в ученике средней школы волю к знанию куда важнее, нежели набить его голову теориями, хотя бы новейшими. Ознакомить его с фактами, с отдельными писателями и художественными

ми произведениями куда полезнее, нежели с современными научными взглядами»¹⁰⁸.

Если учитель словесности, таким образом, должен был прежде всего прививать своим ученикам непосредственную любовь к литературе, то преподаватель истории, по убеждению Философова, – «ковать в школе сознание нации»¹⁰⁹. В условиях новой российской действительности, после прихода к власти большевиков, отвечая на вопрос о том, какой долг налагает на учителя истории текущий момент, какие изменения в содержании предмета он диктует, публицист соглашается с тридцатью шестью преподавателями истории средних и высших учебных заведений Петрограда, которые летом 1918 года обратились к своим коллегам с воззванием «блюсти заветы национального сознания»¹¹⁰. Тем самым Философов включается в полемику о патриотизме и высказывает точку зрения, близкую той, которую несколькими днями раньше на страницах того же издания отстаивал Мережковский¹¹¹: «У нас есть интеллигенция, которая не удовлетворяется званием “русского”, чувствует себя исключительно членом “интернационала”. А рядом с ней процветает уездный патриотизм “калуцких” и “пензенских” патриотов. В щель между всечеловеками и калуцкими мешочниками провалилась, как фантом, Россия и русская история»¹¹².

В методологическом отношении Философов вновь критикует безличный подход к преподаванию и «нецелесообразному» методу В.А. Келтуялы, в основе своей – марксистскому, предпочитает «Историю России в жизнеописаниях ее главнейших деятелей» Н.И. Костомарова, «потому что только через творческую личность можно подойти к душе сидящего за партией юнца, заинтересовать его»¹¹³. Здесь Философов не просто формулирует взгляд по частному вопросу школьного образования. Он излагает собственное видение того, как формируются культурные ценности, скрепляющие нацию через ее общую историю и литературу:

Без «почитания» не может быть никакой преемственности, без утверждения личности в противовес безличному процессу не может быть творчества, не может быть свободы. «Духовные» ценности культуры создаются благодаря чудесному синтезу свободной, творческой личности с “процессом”, основанном на законе необходимости¹¹⁴.

Однако историческая реальность была такова, что уже накануне Октябрьской революции, встретив в кулуарах предпарламента Л.Н. Андреева, который прошел от союза редакторов, Философов с горестью записал слова писателя о том, что великая русская лите-

ратура, которой Россия хвастала перед Европой, исчезла, остались только самовары, и далее – неутешительный вывод:

Избирательный голос Андреева, Короленко, Мережковского, пожалуй, еще нужен. Борющиеся партии будут звать каждого из них. Но кому нужны их «собрания сочинений»? Ведь ценила их только интеллигенция. А интеллигенция с каким-то нездоровым мазохизмом предала самое себя. Как будто ее нет и никогда не было...¹¹⁵.

И все же интеллигенция была. Не та – в кавычках, «плевавшая», по определению Философова, в духовные богатства России и ответственная за их разрушение, а другая – истинная, которая «была всегда авангардом русской общественности и русской культуры»¹¹⁶, стояла на страже духовных ценностей, «начиная с Радищева и декабристов»¹¹⁷. В этот ряд Философов также включает имена А.И. Герцена, П.Л. Лаврова и призывает «не забывать подвигов своих отцов»¹¹⁸. В статье, написанной ко второй годовщине смерти М.М. Ковалевского, на даче которого в Ницце он в 1892 году познакомился с Мережковскими¹¹⁹ и в чьей газете «Страна» печатался с марта 1906-го, посылая из Парижа корреспонденции, звучит признание в том, что «интеллигенция во многом грешна»¹²⁰. Тогда же, в апреле 1918-го, появляется еще одна статья Философова, в которой он развивает свою мысль:

Предаваясь мечтаньям, чувствуя себя в государственно-политическом отношении совершенно безответственной, интеллигенция постоянно грешила влечением к социализму немедленному. Забывая жизненные интересы государственного организма, она стремилась к немедленному воплощению своих идеалов, и тем проявляла свою «восточную душу»¹²¹.

Но, несмотря на это, интеллигенция, по убеждению Философова, всегда оставалась «символом сознания народного»¹²², и «только при свете разума и сознания Россия сможет устроить свою государственную жизнь»¹²³. Сказано почти за два года до того, как Ленин в письме Горькому от 15 сентября 1919-го назовет «буржуазных интеллигентов» не «мозгом» нации, а ее «говном»¹²⁴. И в этом отношении подтвердит внутреннюю близость советского и царского режимов, на что Философов также обратил внимание:

Здесь таится главное сходство старого самодержавия с новой диктатурой. Как во времена царские, правительство обвиняло русскую интеллигенцию в «саботаже», в нежелании помогать правительству в его государственной работе, так и теперь наши диктаторы

смешивают интеллигенцию с грязью, объявляют ее врагом народа, только потому, что интеллигенция не хочет отказаться от свободы, признать насилие верховным принципом общественной жизни¹²⁵.

Называя «жертвенность» существенным признаком интеллигенции и полагая, что она «должна быть гонимой»¹²⁶, Философов выступает против сотрудничества с большевиками:

Интеллигенция искони была хранительницей заветов свободы, защитницей человеческого достоинства. Теперь ее искушают, обещают «100 миллионов», лишь бы она «падши поклонилась»¹²⁷.

В частности, он критикует начинания Горького по превращению российских ученых с мировым именем в советских специалистов. «Своими работами академик Павлов заслужил благодарное удивление всей европейской науки, послужил всему человечеству. А Горький хочет заставить его читать “краткий курс по физиологии”, что может сделать с успехом всякий студент. И выходит так, что[,] заботясь о распространении наук, Горький выказывает очень мало уважения к самой науке и ее верным служителям...»¹²⁸ – читаем в статье Философова «Скверный анекдот» от 3 мая (20 апреля) 1918 года, на которую 10 мая (27 апреля) в «Новой жизни» откликается Горький: «Призыв к работе на пользу государства и народа не есть призыв к предательству»¹²⁹. На следующий день газета «Наш век», в которой Философов печатался, была закрыта. Издание возобновилось в июне, но неизвестно, связана ли эта история с ответом Горького, чьи «Несвоевременные мысли» еще в январе того же года Философов называл «чисто обывательскими»¹³⁰, а самого писателя, «буревестника» революции, «который подстриг себе крылья, надел пиджак и превратился в какую-то “курицу”, в подмоченного интеллигента, в полубуржуя»¹³¹, призывал не сидеть между двух стульев, «потому что до сих пор неискренность была несовместима с Горьким»¹³². «Впрочем, – как оценивал сложившуюся ситуацию с закрытием “Нашего века” Философов, – судьба газеты ничем теперь не отличается от судьбы отдельного человека. Сегодня жив и здоров, а завтра – поминай как звали! Настоящей культуры и свободы у нас нет. Есть “культура и свобода” в кавычках. Милое благотворительное общество, вроде “общества для доставления носовых платков американским неграм”»¹³³.

Выступая против сотрудничества интеллигенции с «большевизмом, прикрытым “культурной” слезой Максима Горького»¹³⁴, Философов, по собственному признанию, говорил «не о пресловутом “соглашательстве”, которое объясняется, главным образом, насилием “костлявой руки голода”», а об «игре в “культурную работу”»¹³⁵. Од-

нако напомним, что после победы Февральской революции Философов, так же как и Горький после Октября, тоже примерял на себя роль одного из идеологов новой власти, призывал «не угашать духа» и активно включаться в «культурное строительство». К примеру, 14 (27) марта 1917-го он критиковал театры, которые возобновили работу с дореволюционным репертуаром: «Художники объединяются, кого-то выбирают, что-то проектируют, а в театре, где искусство всего ближе соприкасается с широкими массами, все осталось по-старому»¹³⁶. Поэтому-то Философов прекрасно понимал, что формально новая власть поступает вполне логично. И слова из его последней статьи, опубликованной 2 августа 1918 года перед окончательным закрытием газеты «Наш век»¹³⁷, прозвучали с надеждой на то, что и «новый хлеб» окажется по-своему питательным:

Если допустить, что в России старая культура умерла, творится совершенно новый мир, новая земля и новое небо, то никакие разрушения не страшны, так же, как не страшны были во времена блаженного Августина разрушения, чинимые варварами. Сколько памятников античной литературы было уничтожено трудолюбивыми монахами, которые писали жития святых на выскобленных трагедиях Еврипида!¹³⁸

Так же, как интеллигенция, в полосу гонимости вступила церковь. «Один строй, – пишет Философов, – давил со своим “покровительством”, новый строй гонит со своими преследованиями. Александр-Невская лавра уже “реквизирована”. И вот эта гонимость создала мост между интеллигенцией и церковью»¹³⁹. Известно, что до Октябрьской революции Философов, как и Мережковские, выступал критиком официальной (огосударственной) церкви и был сторонником «нового религиозного сознания». Еще в начале 1917-го в его статьях раздается недовольство тем, что «все богослужебные новшества имеют политический характер»¹⁴⁰, и звучит утверждение о том, что «по существу, ни католическая церковь, ни православная не могут быть подчинены государству, они могут быть лишь отделены от государства»¹⁴¹. Неудивительно, что уже в первые дни после Февральской революции Философов опубликовал призыв к власти об отделении церкви от государства и призыв к церкви об аннулировании коронационного акта миропомазания. «Новое государство, – сказано в статье “Необходимый церковно-правительственный акт” от 8 (21) марта 1917 года, – по существу своему не может быть профессиональным, а следовательно, все государственные акты должны быть лишены всякого церковного привкуса»¹⁴². «Отречение от

престола, – читаем далее, – есть форма юридической смерти. Она должна быть санкционирована церковью»¹⁴³.

Между тем ни светские, ни церковные власти не предпринимали решительных действий, ограничиваясь «опасными полумерами», о которых в своих публикациях писал Философов¹⁴⁴. Оправку для новой обер-прокуратуры он видел прежде всего в белом (рядовом) духовенстве, которое было тесно связано с народом:

Кому случалось бывать в архиерейских покоях и видеть там какого-нибудь заграпезного батюшку, приехавшего из своего медвежьего угла, с какой-нибудь просьбой, тот живо чувствует, какую непроходимую пропасть создал старый строй между церковным аристократом – епископом и церковным демократом – «попом»¹⁴⁵.

Философов с надеждой воспринял открытие Всероссийского поместного собора 15 (28) августа 1917 года, на котором должно было закладываться «бытие новой церкви»¹⁴⁶. С не меньшим воодушевлением он отнесся к собранию, состоявшемуся в Петрограде 29 июля 1918-го под председательством епископа Геннадия, по частному вопросу: следует ли удалять из светской школы иконы и другие предметы религиозных культов. Однако событию этому публицист придал значение «собора всех церквей»: «За одним столом сидели представители православной церкви, англиканской, единоверческой, католической, лютеранской, реформатской. Наконец, раввин еврейской и имам мусульманской общины»¹⁴⁷ – который не звал людей в определенную церковь, а задавался самым насущным вопросом: «С Богом или против Бога должна строиться подлинная человеческая культура, во главе которой стоит человек, а не голая материя?»¹⁴⁸

И чем дольше Философов наблюдал за происходившим вокруг него с приходом к власти большевиков, когда со всей очевидностью стал вырисовываться «новый фронт» гражданской войны – «физическая борьба с церковью»¹⁴⁹, тем больше подтверждений находилось тому, что, «как бы ни старался Луначарский – Августином ему не быть, а жалкая его “религия человеко-божества” не более, как упражнения провинциального гимназиста»¹⁵⁰. «Пусть, – пишет Философов в одной из последних своих статей, опубликованных в России, – по мнению наших просвещенных людей, церковь “устарела”, пусть лампадное масло ее прогоркло. Но не устарела подлинная потребность во вселенскости, жажда утверждения абсолютной личности. “Интернационализм” не более как суррогат вселенскости. Материальная игра “атомов” в форме классово-борьбы никогда не удовлетворит подлинной человеческой, а не звериной, личности»¹⁵¹.

И хотя пролетарская мечта о социальном рае, «золотая сказка» большевиков тоже основывается на религиозных, иррациональных чувствах, Философов не сомневался, что «такая “религия”, конечно, обречена на гибель»¹⁵².

Тем временем на грани гибели оказалась церковь вместе с защищавшим ее духовенством и критиковавшей долгие годы интеллигенцией. Убийство митрополита Киевского и Галицкого Владимира (Богоявленского), на которое Философов откликнулся заметкой, стало первым в ряду трагических смертей православных архиереев на землях бывшей Российской империи в ходе гражданской войны. «Мы не знаем подробности убийства владыки, – писал он. – Но хочется верить, что оно объясняется случайностью, к сожалению, ставшей столь обычной в наши “красные” дни»¹⁵³. Роль своеобразного барометра, измеряющего бедственность положения, для Философова играла усугублявшаяся ситуация со свободой слова: «Я всегда “ориентируюсь” на положение печати. С самого начала двадцатого века этот самодельный барометр служит мне верой и правдой, во все времена года, при всех режимах»¹⁵⁴. Наконец, условия жизни становились все более невыносимыми. «На углу Литейного и Невского, – свидетельствовал Философов, – Содом и Гоморра. Ни пройти, ни проехать. Люди провозгласили “материю” альфой и омегой человеческого счастья, и вместе с тем могут не справиться даже “со снегом”, не только с холодом и голодом. Старое благолепие они уничтожили, создать новое они бессильны...»¹⁵⁵. Ко всему прочему, Мережковские понимали, что у Философова «было и личное страданье – гибель трех сыновей любимой сестры»¹⁵⁶. «...Но все же, – вспоминает Гиппиус, – его ожесточение и пассивность казались мне чрезмерными. С пассивным отворачиванием соглашался он на отъезд. Можно сказать, что Дм[итрий] Серг[еевич] насильно увез его, так он был инертен и безучастен»¹⁵⁷. Под предлогом чтения лекций в красноармейских частях мглисто-розовым вечером 24 декабря 1919 года они покинули город. На поезде и в розвальнях, по лесу и целине, опасаясь доноса и минуя заставы, добрались до польского фронта: « – Кто вы? – Русские беженцы. – Откуда? – Из Петрограда. – Куда? – В Варшаву, Париж, Лондон. Познанский легионер подал знак, ворота открылись, и мы переехали черту заповедную, отделяющую тот мир от этого»¹⁵⁸. Одну жизнь от другой.

Принято считать, что Философов в своей публицистике выступал рупором идей Мережковских. До известной степени так оно

и было. Розанов 3 июня 1914 года сделал о нем запись в «Мимолетном»: «Писатель без слов, без мыслей, без чего-либо “своего”. Все – Мережковского и “Зины”»¹⁵⁹. Философов и сам подчас склонялся к той же мысли и 25 июля 1904-го признавался в письме Мережковским: «Должен сказать, что в моей статье много мыслей З[инаиды] Н[иколаевны], конечно, грубые, фельетонные»¹⁶⁰. Философов был постоянным спутником Мережковских много лет. Но их отчет следует вести отнюдь не с формального знакомства у Максима Ковалевского, о котором упоминала З.Н. Гиппиус. Настоящее сближение с Мережковскими относится к 1898 году и эпохе «Мира искусства» – журнала, где при посредничестве Философова было опубликовано знаменитое исследование «Л. Толстой и Достоевский». В то время он, если верить Гиппиус, обладая «скорее пассивным» характером, находился под властью своего двоюродного брата С.П. Дягилева¹⁶¹. Несмотря на это, Философов был первым, кому Мережковские рассказали о желании создать новую церковь. В дневнике Гиппиус «О бывшем» сказано: «...с ним одним мы в Главном были согласны, и даже не в одном Главном»¹⁶². В творческом плане этому «тройственному союзу» принадлежит драма «Макков цвет»¹⁶³, а также сборник статей «Царь и революция» («Le Tsar et la Révolution», 1907)¹⁶⁴.

При этом следует отметить, что до Мережковских, если не считать Дягилева, определенное влияние на Философова оказывал его гимназический друг Бенуа, о чем он сам впоследствии вспоминал: «...стало сказываться и мое влияние на Диму; он оказался несравненно более мягким и податливым, нежели это казалось раньше»¹⁶⁵. Разумеется, не следует преуменьшать и влияние семьи. Не исключено, что личный пример отца, В.Д. Философова, который состоял прокурором в Военном суде, а затем заседал в Государственном совете, не позволил будущему публицисту, столь искренне интересовавшемуся положением русского офицерства на фронтах Первой мировой войны, занять пораженческую позицию. В интересе Философова к вопросам благотворительности и образования можно было бы усмотреть влияние матери, Анны Павловны (урожд. Дягилевой), либеральной общественной деятельницы, инициатора создания Высших женских («Бестужевских») курсов. Недаром один из членов «дягилевского» кружка сказал однажды Гиппиус, «что у “Димы”-то натура Анны Павловны, и наследственность когда-нибудь скажется»¹⁶⁶.

Самостоятельность, однако, Философов проявлял, причем нередко, своевольничал, спорил, периодически пытался вырваться из-под опеки и в конце концов вырвался, оставшись в 1920 году в Варшаве,

попав, впрочем, под новое влияние. Имея в виду Б.В. Савинкова, в апреле 1921 года Гиппиус пишет Философovu: «Не могу остаться равнодушной, видя, что многие мысли и мнения, которые выражаешь, – не твои. Ты просто следуешь чьим-то другим идеям»¹⁶⁷. Однако до конца дней Философов не перестал считать Мережковских одними из самых близких людей. Основная причина распада их «тройственности», вероятнее всего, заключалась в тех переменах, которые произошли с Философовым в конце 1910-х. «Я... – говорит он в письме к М.П. Арцыбашеву от 15 августа 1923 года, – с раскаянием смотрю на свое прошлое и чувствую, что у нас была совершенно ошибочная концепция идеалов и слияния этих идеалов с жизнью»¹⁶⁸. Очевидно, что, собранные воедино, статьи Философова революционных лет помогут полнее раскрыть обстоятельства этого раскаяния и проследить трагические изменения в судьбе не только отдельной творческой личности, но и всей страны.

Примечания

¹ Дюррант Дж. С. По материалам архива Д.В. Философова // Лица: Биографический альманах. 5. М.; СПб.: Феникс; Atheneum, 1994. С. 444.

² См. также: Коростелев О.А. Литературная критика Дмитрия Философова // Философов Д.В. Критические статьи и заметки (1899 – 1916) / Пред., сост. и примеч. О.А. Коростелева. М.: ИМЛИ РАН, 2010. С. 3 – 21; Коростелев О.А. Статьи и заметки Д.В. Философова на литературные темы (1899 – 1917): Материалы к библиографии / Сост. О.А. Коростелев // Философов Д.В. Критические статьи и заметки (1899 – 1916) / Пред., сост. и примеч. О.А. Коростелева. М.: ИМЛИ РАН, 2010. С. 644 – 658.

³ См.: Философов Д.В. Загадки русской культуры / Сост., примеч. Т.Ф. Прокопова. Предисл. А.Н. Николоюкина. М.: НПО «Интелвак», 2004; Философов Д.В. Критические статьи и заметки.

⁴ Цит. по: Дюррант Дж. С. По материалам архива Д.В. Философова. С. 445.

⁵ «Речь» взята нами как наиболее представительное для Философова тех лет издание, в котором он постоянно публиковал все важные для него статьи, а в других – лишь изредка случайные заметки.

⁶ Гиппиус-Мережковская З. Дмитрий Мережковский. Париж: YMCA-PRESS, 1951. С. 187.

⁷ Философов Д.В. Под подозрением // Речь. 1917. 5 (18) сентября. № 208 (3950). С. 1 – 2.

⁸ Перцов П.П. Литературные воспоминания. 1890 – 1902 гг. / Вступ. ст., сост., подгот. текста и коммент. А.В. Лаврова. М.: Новое лит. обозрение, 2002. С. 210.

⁹ Гиппиус З. Дневники: В 2 кн. / Под общей ред. А.Н. Николоюкина. М.: НПК «Интелвак», 1999. Кн. 2. С. 181.

¹⁰ Гиппиус-Мережковская З. Дмитрий Мережковский. С. 199.

¹¹ См.: Гиппиус З. *Дневники*. По точному наблюдению исследователей, Гиппиус использовала дневниковые записи Философова, факт чего и сама признавала. На это указывают текстуальные совпадения (см. далее). «Но, — полагает Б.И. Колоницкий, — имело место, по-видимому, не просто использование, а и включение в текст отредактированных фрагментов дневника Философова» (*Колоницкий Б. Д.В. Философов и его дневник // Звезда. 1992. № 1. С. 192*). См. также: *Философов Д.В. Дневник (17 января — 30 марта 1917 г.) / Публ. и примеч. Б. Колоницкого // Звезда. 1992. № 1. С. 193 — 205; № 2. С. 188 — 204; № 3. С. 147 — 166*.

¹² Ср. со словами Гиппиус: «Что касается Ф[илософо]ва — у него все было проще: он отрицал самодержавие огулом, как режим, подавляющий общественную и политическую жизнь страны и как виновника и войны, и таких событий и расправ, как 9 Января» (*Гиппиус-Мережковская З. Дмитрий Мережковский. С. 137*).

¹³ *Философов Д.В. Воскресшая Россия // Современное слово. 1917. 23 марта (5 апреля). № 3289. С. 1 — 2 (то же: Речь. 1917. 23 марта (5 апреля). № 70 (3812). С. 3*).

¹⁴ См. дневниковую запись Гиппиус от 25 марта (7 апреля) того же года: «Были похороны “жертв” на Марсовом поле. День выдался грязный, мокрый, черноватый. Лужи блестели. Лавки заперты, трамваев нет, “два миллиона” (как говорили) народу, и в порядке, никакой Ходынки не случилось» (*Гиппиус З. Дневники. Кн. 1. С. 505*).

¹⁵ *Философов Д.В. Царское имущество и народ // Речь. 1917. 10 (23) марта. № 59 (3801). С. 2*.

¹⁶ *Гиппиус З. Дневники. Кн. 1. С. 476*. Ср.: *Философов Д.В. Дневник. С. 197*. В дневниковой записи от 5 (18) марта 1917 года Философов приводит текст своего письма Керенскому: «Считаю своим святым долгом сказать Вам, что именно Вы в трудную ночь с 1-го на 2-е марта спасли Россию от великого бедствия. Только человек высочайшей моральной чистоты, только подлинный гражданин мог в эти трудные часы с таким святым и гениальным энтузиазмом овладеть положением. Тяжкая болезнь все еще держит меня в своих руках. Не знаю, долго ли проживу. Но если судьба не позволит мне увидеть плода революции, то все-таки я уйду из этого мира гордым и спокойным гражданином, с благоговением поминая Ваше имя» (Там же).

¹⁷ *Философов Д.В. Кличка «Скорый» // Аргус. 1917. № 11 — 12. С. 82*.

¹⁸ *Философов Д.В. Духа не угашайте // Речь. 1917. 14 (27) марта. № 62 (3804). С. 3*. Ср. с дословным названием статьи Мережковского «Духа не угашайте» (*Биржевые ведомости. 1915. 16 (29) октября. № 15151. С. 3*).

¹⁹ См.: *Летопись литературных событий в России конца XIX — начала XX в. (1891 — октябрь 1917). Вып. 3 (1911 — октябрь 1917) / Ред.-сост. М.Г. Петрова. М.: ИМЛИ РАН, 2005. С. 560 — 561*.

²⁰ *Философов Д.В. Борьба с демагогией // Речь. 1917. 16 (29) марта. № 64 (3806). С. 2*.

²¹ Там же.

²² *Философов Д.В. Золотые сны // Речь. 1917. 1 (14) апреля. № 77 (3819). С. 3*.

- ²³ Однако историк Колоницкий справедливо отмечает, что позиция Философова в публицистике немного отличалась от его дневниковых записей: «Так, после февральской революции его публичные выступления характеризуются большим (по сравнению с дневником) оптимизмом...» (*Колоницкий Б. Д.В. Философов и его дневник // Звезда. 1992. № 1. С. 190*). Например, по дневнику видно, что уже 2 (15) марта 1917 года Философов довольно трезво оценивал перспективы новой власти: «Словом, это все романтики, фанатики, если угодно, но главное, люди преисполненные “прекраснодушия”. Имея опыт борьбы с врагом, они нисколько не имеют опыта в конкретной реализации своей идеи» (*Философов Д.В. Дневник. С. 192*).
- ²⁴ *Философов Д.В. Золотые сны. С. 3.*
- ²⁵ *Мережковский Д.С. Ангел революции // Русское слово. 1917. 1 (14) апреля. № 73. С. 2.*
- ²⁶ *Гиппиус-Мережковская З. Дмитрий Мережковский. С. 223.*
- ²⁷ *Философов Д.В. Без почты // Речь. 1917. 21 мая (3 июня). № 118 (3860). С. 3.*
- ²⁸ Там же.
- ²⁹ *Гиппиус-Мережковская З. Дмитрий Мережковский. С. 223 – 224.*
- ³⁰ См.: *Соболев А.Л. «Грядущее» Д.С. Мережковского и З.Н. Гиппиус // De visu. 1993. № 2. С. 42 – 43.*
- ³¹ *Философов Д.В. Хитрый мужичонка // Речь. 1917. 12 (25) августа. № 188 (3930). С. 2 (то же: Слово. 1917. 12 августа. № 4307. С. 2).*
- ³² *Философов Д.В. Старые навыки // Речь. 1917. 23 августа (5 сентября). № 197 (3939). С. 2.*
- ³³ Там же.
- ³⁴ *Гиппиус-Мережковская З. Дмитрий Мережковский. С. 222.*
- ³⁵ *Гиппиус З. Дневники. Кн. 1. С. 481.*
- ³⁶ См.: *Философов Д.В. Дневник. С. 199.*
- ³⁷ *Гиппиус З. Дневники. Кн. 1. С. 550.*
- ³⁸ *Философов Д.В. Собор и министр исповеданий // Речь. 1917. 29 сентября (12 октября). № 229 (3971). С. 1.*
- ³⁹ Там же.
- ⁴⁰ *Философов Д.В. Своеобразная коалиция // Речь. 1917. 15 (28) сентября. № 217 (3959). С. 1.*
- ⁴¹ *Философов Д.В. Пляска св. Витта // Речь. 1917. 27 сентября (10 октября). № 227 (3969). С. 2.*
- ⁴² *Философов Д.В. Борьба с демагогией // Речь. 1917. 16 (29) марта. № 64 (3806). С. 2.*
- ⁴³ *Философов Д.В. Предостережение // Речь. 1917. 6 (19) октября. № 235 (3977). С. 2.*
- ⁴⁴ *Философов Д.В. В.М. Зензинову // Речь. 1917. 21 сентября (4 октября). № 222 (3964). С. 2.*
- ⁴⁵ *Философов Д.В. В Совете // Речь. 1917. 14 (27) октября. № 242 (3984). С. 2.*
- ⁴⁶ *Философов Д.В. Августейшая благотворительность // Речь. 1917. 12 (25) марта. № 61 (3803). С. 3.*

- ⁴⁷ *Философов Д.В.* О беспризорных детях. III // Речь. 1917. 13 (26) февраля. № 42 (3784). С. 2.
- ⁴⁸ *Философов Д.В.* Детский вопрос в столице // Речь. 1917. 7 (20) февраля. № 36 (3778). С. 2.
- ⁴⁹ *Философов Д.В.* Под подозрением. С. 2. Ср. слова Гиппиус: «Многие, очень многие, тоже войну принципиально отрицавшие, также не видевшие для нее достаточно поводов и даже сомневавшиеся в победе России при ее положении, – все-таки – войну эту из любви к России приняли и о победе мечтали, (как самый близкий друг наш, Д. Философов)» (*Гиппиус-Мережковская* З. Дмитрий Мережковский. С. 240).
- ⁵⁰ *Философов Д.В.* Воскресшая Россия // Современное слово. 1917. 23 марта (5 апреля). № 3289. С. 2 (то же: Речь. 1917. 23 марта (5 апреля). № 70 (3812). С. 3).
- ⁵¹ *Философов Д.В.* За живой стеной // Речь. 1917. 7 (20) марта. № 56 (3798). С. 2.
- ⁵² Там же.
- ⁵³ Там же. С. 3.
- ⁵⁴ *Философов Д.В.* Русский офицер // Речь. 1917. 16 (29) июля. № 165 (3907). С. 2.
- ⁵⁵ *Философов Д.В.* Письма с фронта // Речь. 1917. 13 (26) августа. № 189 (3931). С. 2.
- ⁵⁶ *Философов Д.В.* Суд придет! // Речь. 1917. 30 сентября (13 октября). № 230 (3972). С. 2.
- ⁵⁷ *Философов Д.В.* В Совете // Речь. 1917. 17 (30) октября. № 244 (3986). С. 2.
- ⁵⁸ *Философов Д.В.* Неискушенные // Речь. 1917. 20 октября (2 ноября). № 247 (3989). С. 1.
- ⁵⁹ Там же.
- ⁶⁰ *Философов Д.В.* Впечатления // Речь. 1917. 24 октября (6 ноября). № 250 (3992). С. 2.
- ⁶¹ *Философов Д.В.* Сыны Едомовы // Наш век. 1918. 12 марта (27 февраля). № 46 (70). С. 2.
- ⁶² *Иванов-Разумник.* С Антихристом за Христа // Дело народа. 1917. 15 (28) октября. № 181. С. 5.
- ⁶³ *Философов Д.В.* Две речи // Наш век. 1917. 2 (15) декабря. № 3. С. 2.
- ⁶⁴ *Философов Д.В.* Смольная Европа // Наш век. 1917. 21 декабря (3 января). № 19. С. 1.
- ⁶⁵ *Философов Д.В.* Зловещая победа // Наш век. 1917. 9 (22) декабря. № 9. С. 1.
- ⁶⁶ *Философов Д.В.* Революционная юстиция и самосуды // Наш век. 1917. 22 декабря (4 января). № 20. С. 1.
- ⁶⁷ *Философов Д.В.* Саранча // Наш век. 1917. 19 декабря (1 января 1918). № 17. С. 1.
- ⁶⁸ Там же.
- ⁶⁹ *Философов Д.В.* Еврейские погромы // Наш век. 1918. 17 (4) апреля. № 75 (99). С. 1.

- ⁷⁰ Там же.
- ⁷¹ *Философов Д.В.* Импотентная буржуазия // Наш век. 1918. 21 (8) апреля. № 79 (103). С. 1.
- ⁷² *Мережковский Д.С.* Россия будет (Интеллигенция и народ) // Наш век. 1918. 28 (15) июня. № 103 (127). С. 2.
- ⁷³ *Философов Д.В.* Импотентная буржуазия. С. 2.
- ⁷⁴ *Мережковский Д.С.* Россия будет. С. 2.
- ⁷⁵ *Мережковский Д.С.* Упырь // Новая речь. 1917. 28 ноября (11 декабря). № 1. С. 1.
- ⁷⁶ *Философов Д.В.* Русский дух // Наш век. 1917. 3 (16) декабря. № 4. С. 1.
- ⁷⁷ *Философов Д.В.* Отечество (К годовщине 14-го декабря) // Наш век. 1917. 14 (27) декабря. № 13. С. 1.
- ⁷⁸ *Философов Д.В.* О лампадном масле и прочем // Наш век. 1918. 21 (8) июля. № 123 (147). С. 1.
- ⁷⁹ *Философов Д.В.* Старая история // Наш век. 1918. 4 (17) января. № 2 (28). С. 1.
- ⁸⁰ *Философов Д.В.* Предостережение. С. 2.
- ⁸¹ Бенуа А.Н. Мои воспоминания: В 2 т. М.: Наука, 1980. Т. 1. С. 504 – 505.
- ⁸² Цит. по: Дюррант Дж. С. По материалам архива Д.В. Философова. С. 446.
- ⁸³ *Философов Д.В.* Человек и книга // Речь. 1917. 16 (29) января. № 14 (3756). С. 3.
- ⁸⁴ *Философов Д.В.* Золотые сны. С. 3.
- ⁸⁵ *Философов Д.В.* «Сегодня» // Наш век. 1918. 31 (18) марта. № 62 (86). С. 6.
- ⁸⁶ Там же.
- ⁸⁷ Там же.
- ⁸⁸ *Философов Д.В.* Теория и практика // Речь. 1917. 23 февраля (8 марта). № 51 (3793). С. 2.
- ⁸⁹ Там же.
- ⁹⁰ *Философов Д.В.* Царское имущество и народ // Речь. 1917. 10 (23) марта. № 59 (3801). С. 2.
- ⁹¹ Там же.
- ⁹² Там же.
- ⁹³ *Философов Д.В.* То было раннею весной // Наш век. 1918. 26 (13) марта. № 57 (81). С. 2.
- ⁹⁴ *Философов Д.В.* Скифы // Наш век. 1918. 31 (18) марта. № 62 (86). С. 2.
- ⁹⁵ Там же.
- ⁹⁶ Там же.
- ⁹⁷ Там же. Ср. со словами из статьи Мережковского: «Интеллигенция, как Иван Карамазов, сказала: “все позволено; убей отца”. А народ, как Смердяков, сделал, – убил. Произошло небывалое всемирно-историческое преступление: народ стал убийцей своего отечества, отцеубийцею» (*Мережковский Д.С.* Россия будет. С. 2).
- ⁹⁸ *Философов Д.В.* Сумерки // Наш век. 1918. 21 (8) февраля. № 30 (54). С. 1 (то же: Современное слово. 1918. 21 февраля. № 3499. С. 1).
- ⁹⁹ Там же.
- ¹⁰⁰ *Философов Д.В.* Враг народа // Наш век. 1917. 1 (14) декабря. № 2. С. 1.

- ¹⁰¹ Там же.
- ¹⁰² *Философов Д.В.* Литература или культура. I // Речь. 1917. 8 (21) января. № 7 (3749). С. 3 (то же: Современное слово. 1917. 8 января. № 3227. С. 2).
- ¹⁰³ *Философов Д.В.* Литература или культура? II // Речь. 1917. 12 (25) января. № 10 (3752). С. 3 (то же: Современное слово. 1917. 12 января. № 3230. С. 2).
- ¹⁰⁴ Там же..
- ¹⁰⁵ *Философов Д.В.* Литература или культура. I.
- ¹⁰⁶ *Философов Д.В.* Литература или культура? II.
- ¹⁰⁷ Там же.
- ¹⁰⁸ Там же..
- ¹⁰⁹ *Философов Д.В.* История и нация // Наш век. 1918. 2 июля (19 июня). № 106 (130). С. 2.
- ¹¹⁰ Там же. С. 1.
- ¹¹¹ См.: *Мережковский Д.С.* Россия будет (Интеллигенция и народ) // Наш век. 1918. 23 июня (10 июня). № 100 (124). С. 2; 28 (15) июня. № 103 (127). С. 2 – 3. Мережковский так же обыгрывает фразу, популярную в России в начале Первой мировой войны и символизирующую «местечковый патриотизм»: мы живем далеко от фронта (в Калужской или другой губернии), до нас неприятель не дойдет. Ср. со словами из более поздней статьи Мережковского «Захолустье. Итоги маленькой полемики» (впервые: Возрождение. 1928. 26 января. № 968): «“Что нам Россия? Мы калуцкие!” – говорили, позевывая и почесывая спину, уже в самом начале мировой войны, русские мужички, будущие дезертиры и члены Интернационала, кажется, и теперь еще не понимающие, насколько короче и легче путь из Калуги в Интернационал, чем обратно» (*Мережковский Д.С.* Царство Антихриста: Статьи периода эмиграции / Сост., коммент. О.А. Коростелева и А.Н. Николюкина. СПб.: РХГИ, 2001. С. 323).
- ¹¹² *Философов Д.В.* История и нация. С. 1.
- ¹¹³ Там же. С. 2.
- ¹¹⁴ Там же.
- ¹¹⁵ *Философов Д.В.* Пшеничный хлеб // Речь. 1917. 22 октября (4 ноября). № 249 (3991). С. 5.
- ¹¹⁶ *Философов Д.В.* «Немедленные социалисты» // Наш век. 1918. 13 апреля (31 марта). № 72 (96). С. 1.
- ¹¹⁷ *Философов Д.В.* В союзе писателей // Век. 1917. 23 ноября (6 декабря). № 1. С. 3.
- ¹¹⁸ *Философов Д.В.* Отечество (К годовщине 14-го декабря) // Наш век. 1917. 14 (27) декабря. № 13. С. 1.
- ¹¹⁹ Ср. с воспоминаниями Гиппиус: «Познакомились мы с Д. В-чем очень давно, у известного профессора Максима Ковалевского, на Ривьере, когда Д[митрий] В[ладимирович] был еще студентом, но потом почти не встречались до “Мира Иск[usstва]”, до “дягилевского” кружка, где он играл такую роль и был уже “эстетом”» (*Гиппиус-Мережковская З.* Дмитрий Мережковский. С. 121).
- ¹²⁰ *Философов Д.В.* Горе от ума // Наш век. 1918. 5 апреля (23 марта). № 66 (90). С. 2.

- ¹²¹ Философов Д.В. «Немедленные социалисты». С. 1.
- ¹²² Философов Д.В. В союзе писателей. С. 3
- ¹²³ Философов Д.В. Свобода и рабство // Наш век. 1917. 24 декабря (6 января). № 22. С. 2. Ср. со словами Мережковского: «Интеллигенция – воплощение народного разума» (Мережковский Д.С. 14 марта // День. 1917. 23 марта (5 апреля). № 16. С. 3).
- ¹²⁴ Ленин В.И. Полн. собр. соч.: В 55 т. М.: Изд-во полит. лит-ры, 1970. Т. 51. С. 48.
- ¹²⁵ Философов Д.В. Свобода и рабство. С. 2.
- ¹²⁶ Философов Д.В. Вечно гонимая // Наш век. 1918. 12 (25) января. № 7 (32). С. 2 (то же: Современное слово. 1918. 12 января. № 3477. С. 2).
- ¹²⁷ Философов Д.В. Скверный анекдот // Наш век. 1918. 3 мая (20 апреля). № 88 (112). С. 1.
- ¹²⁸ Там же.
- ¹²⁹ Цит. по: Литературная жизнь России 1920-х годов. События. Отзывы современников. Библиография. Т. 1. Ч. 1. Москва и Петроград. 1917–1920 / Отв. ред. А.Ю. Галушкин. М.: ИМЛИ РАН, 2005. С. 177.
- ¹³⁰ Философов Д.В. Полубуржуй // Наш век. 1918. 25 января (7 февраля). № 18 (43). С. 1.
- ¹³¹ Там же.
- ¹³² Там же. Ср. со словами Мережковского: «Горький двурушник: вот такой же, как Суворин. Он азефствует искренне. Когда он с нами – он наш. Когда он с ними – он ихний. Таковы талантливые русские люди. Он искренен и там и здесь» (Чуковский К.И. Дневник. 1901–1969: В 2 т. М.: ОЛМА-ПРЕСС Звездный мир, 2003. Т. 1: Дневник. 1901–1929. С. 142).
- ¹³³ Философов Д.В. Неожиданная встреча // Наш век. 1918. 16 (3) июня. № 94 (118). С. 1.
- ¹³⁴ Философов Д.В. О лжи // Речь. 1917. 1 (14) октября. № 231 (3973). С. 2.
- ¹³⁵ Философов Д.В. Нечто пессимистическое // Наш век. 1918. 18 (5) июня. № 95 (119). С. 1.
- ¹³⁶ Философов Д.В. Духа не угашайте. С. 3.
- ¹³⁷ Последний номер газеты вышел 3 августа 1918 года.
- ¹³⁸ Философов Д.В. Старый и новый хлеб // Наш век. 1918. 2 августа. № 133 (157). С. 2.
- ¹³⁹ Философов Д.В. После панихиды // Наш век. 1918. 16 (29) января. № 10 (35). С. 1.
- ¹⁴⁰ Философов Д.В. Рождественский молебен // Речь. 1917. 6 (19) января. № 5 (3747). С. 2.
- ¹⁴¹ Философов Д.В. [рец.:] И.Т. Тарасов. Самодержавие и абсолютизм. М., 1917 // Речь. 1917. 24 января (6 февраля). № 22 (3764). С. 5.
- ¹⁴² Философов Д.В. Необходимый церковно-правительственный акт // Речь. 1917. 8 (21) марта. № 57 (3799). С. 2.
- ¹⁴³ Там же..
- ¹⁴⁴ Философов Д.В. Опасные полимеры // Речь. 1917. 9 (22) апреля. № 82 (3824). С. 3 – 4.

- ¹⁴⁵ *Философов Д.В.* Церковный собор // Речь. 1917. 15 (28) августа. № 190 (3932). С. 2.
- ¹⁴⁶ Там же.
- ¹⁴⁷ *Философов Д.В.* Незаметное чудо // Наш век. 1918. 31 июля. № 131 (155). С. 1.
- ¹⁴⁸ Там же. С. 2.
- ¹⁴⁹ *Философов Д.В.* Новый фронт // Наш век. 1918. 20 января (2 февраля). № 14 (39). С. 1.
- ¹⁵⁰ *Философов Д.В.* Пшеничный хлеб // Речь. 1917. 22 октября (4 ноября). № 249 (3991). С. 5.
- ¹⁵¹ *Философов Д.В.* О лампадном масле и прочем. С. 1.
- ¹⁵² *Философов Д.В.* Золотая сказка // Наш век. 1918. 27 (14) июня. № 102 (126). С. 2.
- ¹⁵³ *Философов Д.В.* Кончина митрополита // Наш век. 1918. 17 (4) февраля. № 27 (52). С. 2.
- ¹⁵⁴ *Философов Д.В.* Барометр // Наш век. 1918. 11 мая (28 апреля). № 93 (117). С. 1.
- ¹⁵⁵ *Философов Д.В.* После панихиды // Наш век. 1918. 16 (29) января. № 10 (35). С. 1.
- ¹⁵⁶ Гиппиус-Мережковская З. Дмитрий Мережковский. С. 199.
- ¹⁵⁷ Там же.
- ¹⁵⁸ *Мережковский Д.С.* Записная книжка. 1919–1920 // Мережковский Д.С. Царство Антихриста: Статьи периода эмиграции / Сост., коммент. О.А. Коростелева и А.Н. Николюкина. СПб.: РХГИ, 2001. С. 75.
- ¹⁵⁹ *Розанов В.В.* Когда начальство ушло... / Сост. П.П. Апрышко и А.Н. Николюкин. М.: Республика, 1997. С.387.
- ¹⁶⁰ *Пахмусс Т.А.* Страницы из прошлого: Переписка З.Н. Гиппиус, Д.В. Философова и близких к ним в «главном» // Памятники культуры: Новые открытия. Ежегодник. 1997. М., 1998. С. 76.
- ¹⁶¹ *Гиппиус-Мережковская З.* Дмитрий Мережковский. С. 84 – 85.
- ¹⁶² *Гиппиус З.* Дневники. Кн. 1. С. 92.
- ¹⁶³ *Мережковский Д.С., Гиппиус З.Н., Философов Д.В.* Маков цвет. Драма в 4-х действиях. СПб.: М.В. Пирожков, 1908 (см. также: Русская мысль. 1907. № 11).
- ¹⁶⁴ *Мережковский Д., Гиппиус З., Философов Д.* Царь и революция / Под ред. М.А. Колерова. Вступ. ст. М. Павловой. М.: ОГИ, 1999.
- ¹⁶⁵ *Бенуа А.Н.* Мои воспоминания: В 2 т. М.: Наука, 1980. Т. 1. С. 500.
- ¹⁶⁶ *Гиппиус-Мережковская З.* Дмитрий Мережковский. С. 120.
- ¹⁶⁷ Цит. по: *Дюррант Дж.* С. По материалам архива Д.В. Философова. С. 449.
- ¹⁶⁸ Там же. С. 448.